

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. С. ПЛИСЕЦКИЙ

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ А. Н. РАДИЩЕВА

20 августа 1949 г. исполняется 200 лет со дня рождения одного из замечательных русских мыслителей — Александра Николаевича Радищева (1749—1802).

Радищев хорошо известен у нас как философ-просветитель второй половины XVIII в., как революционер, боровшийся против крепостничества, порвавший с иллюзией освобождения крестьян сверху и возлагавший надежду на «бунт от мужиков». Значительно меньше знает советский читатель Радищева как натуралиста, имеющего полное право занять почетное место в истории науки о человеке. Некоторые же высказывания Радищева о человеке никогда никем не были отмечены, несмотря на то, что для конца XVIII в. они подлинно гениальны.

Радищев был одним из образованнейших людей своего времени и, помимо истории и философии, проявил большой интерес к «натуральной истории человека», свидетельством чему может служить его трактат «О человеке, его смертности и бессмертии». Работа эта написана Радищевым в период 1792—1796 гг., во время пребывания в глухой сибирской ссылке (Илимске). Хотя Радищев был насильно оторван от научной и общественной жизни культурных центров Европы, в том числе от Петербурга и Москвы, — тем не менее его трактат «О человеке» находится на высоком для того времени научном уровне и характеризует его автора как передового ученого и философа-материалиста, несмотря на то, что в отдельных случаях он не свободен от идеалистических и механистических суждений, являющихся своеобразной данью времени.

Радищев отмечает, что человек по некоторым признакам напоминает не только животных, но и растения. Наиболее близки человеку животные «живородящие» (млекопитающие). Многие из них вынашивают плод в течение 9 месяцев, рожают и вскармливают детенышей собственным молоком. Особенно сходно анатомическое строение человека и млекопитающих. «Внутренность человека, — пишет Радищев, — равномерно сходствует со внутренностью животных. Кости суть основание тела; мышцы — орудия произвольного движения; нервы — причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий ее жир, наконец, мозг и зависящие от него деяния: понятие, память, рассудок...»¹

¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. II, 1941, стр. 48. В дальнейшем указаны только страницы этой работы.

Дальше Радищев останавливается на тех специфических особенностях, какие характеризуют только человека. Это, во-первых, прямохождение. Хотя и медведь, пишет он, становится на задние лапы, а обезьяны способны ходить и бегать на них, но строение ног человеческих свидетельствует, что только ему одному присуще прямохождение... Широкая ступня, развитый большой палец и положение остальных пальцев, а также мышцы ступни доказывают, что человеку свойственно не пресмыкаться по земле, а смотреть за ее пределы (там же, стр. 48).

Горизонтальное положение тела животных, пишет далее Радищев, обращает их зрение и обоняние к земле, что «определяет их блаженство в насыщении желудка». Это относится даже к самой развитой обезьяне — оранг-утану.² Хотя Бюффон называет род обезьян четвероруким, но в действительности обезьяны животные четвероногие. Человек же по самому строению тела существо прямоходящее, вследствие чего его череп имеет круглую форму; у человека высокий лоб, выступающий нос, «две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка» (стр. 49).

Как известно, живший почти одновременно с Радищевым голландский анатом Кампер (1722—1789) создал мистическую теорию, согласно которой степень развития животных и мыслительные способности людей будто бы определяются так называемым «лицевым углом», который образуется линией, проходящей от ушного отверстия к основанию носа (на черепе) и от этой точки ко лбу. У млекопитающих «лицевой угол» (получивший впоследствии наименование «угол Кампера») значительно больший, чем у птиц, а у человека — самый наибольший. На основании величины «лицевого угла» Кампер, а также современник Радищева — швейцарский ученый Лафатер (1741—1801) — судили о психических способностях человеческих рас. Негры, например, у которых челюсти несколько выступают вперед и которые имеют, следовательно, на несколько градусов меньший «лицевой угол», чем европейцы, рассматривались этими авторами как раса психически менее способная, чем европейцы.

О том, какое значение придавал Кампер «лицевому углу», можно судить по следующему отрывку из его работы «Dissertation physique» (1791).

«Как только ко мне попадали черепа негра и калмыка, — пишет Кампер, — я считал самым неотложным делом сравнить их с головой европейца, добавив к ним череп обезьяны. Таким сравнительным исследованием было установлено, что определенная черта, проведенная вдоль лба к верхней губе, определяет несходство, обнаруживаемое в лицах разных наций, и сходство головы негра с головой обезьяны. Тщательно вооружившись эскизом нескольких лиц по горизонтали, я замечал лицевые линии соразмерно с углами, которые они производят с горизонтальной линией. Стоило мне наклонить лицевую линию вперед, и я получал античную голову; наклоняя ее назад, я получал голову негра; наклоняя ее больше, я получал голову обезьяны; при еще большем наклоне — голову собаки, потом, наконец, — бекаса. Вот в чем заключается сущность моей задачи».

Эти вульгарные рассуждения Кампера, граничащие с бредом больного, были восприняты идеалистически мыслящими учеными и философами конца XVIII в. как «последнее слово» науки. Иоганн-Фридрих Гердер (1744—1803), будучи приверженцем метода Кампера, пытался объяснить связь между умственным развитием и «лицевым углом» тем, что, мол, линии, образующие этот угол, определяющие положение в черепе мозга, причем наибольший угол (прямой), указывающий на отсутствие прогнатизма, является наиболее «счастливым» для человека.

«Философские» рассуждения Кампера, Лафатера, Гердера и других

² Под оранг-утанами во времена Радищева подразумевались шимпанзе.

о «лицевом угле» были использованы в дальнейшем полигенистами и мнимыми «моногенистами» библейского толка в качестве «научного аргумента в пользу теории неравноценности человеческих рас. Укажем, например, что французский натуралист Вирей в своей книге «О человеке», вышедшей первым изданием в 1801 г., целиком базируется на методе Кампера и классифицирует человеческие расы на основе «лицевого угла». По его утверждению, негры, ведущие свой род от проклятого библейским богом Хама, имеющие «лицевой угол» от 75 до 85°, составляют породу, резко отличную от белых, лицевой угол которых равен 90°. «Негры, пишет Вирей, в силу своей низкой природы, рождены для удовлетворения наших (т. е. белых.— М. П.) потребностей».

Спустя около полувека после опубликования книги Вирея американские ученые идеологи рабовладения Нотт и Глиддон использовали камперовские манипуляции с «лицевым углом» в качестве доказательства, что негры не настоящие люди, а полуживотные, и что освобождение негров от рабской зависимости грозит гибелью цивилизации белых.

На этом мрачном фоне западноевропейской и американской антропологической «науки» ярко вырисовывается образ Радищева, который еще в конце XVIII в. сумел разобраться в антинаучности суждения о человеке на основании «лицевого угла», иначе говоря, наличия или отсутствия у него прогнатизма. Касаясь камперовского «лицевого угла», Радищев в его трактате «О человеке» не без остроумия замечает:

«Вот как человек пресмыкается в стезе (т. е. путается.— М. П.), когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам...» Радищев совершенно правильно считает, что не наличие или отсутствие прогнатизма определяют способности людей. Он находил, что прав Гельвеций, считавший, что «руки были человеку путеводительницы к разуму» (стр. 51).

* * *

В то время, к которому относятся изложенные мысли Радищева, была широко распространена идея, что человек абсолютно ничем не отличается от животных и что включение его в один класс с млекопитающими делает только честь человеку. Если существуют какие-нибудь различия между человеком и животными, то эти различия только количественные. Весьма популярен был также взгляд Ламетри на человека — как на машину.

Эти идеи, срывающие с человека «венец божественного творения», сыграли в свое время исключительно большую положительную роль. Ламетри и его идейные соратники пробили основательную брешь в теологическом мировоззрении и способствовали развитию материалистической философии и науки, в частности развитию материалистической физиологии, выступившей на борьбу с различными виталистическими концепциями.

И все же в низведении человека до уровня животного и простой машины имеется своя отрицательная сторона, которая сказывается в игнорировании специфичности человека. К чести Радищева надо отметить, что, будучи сторонником французских философов-материалистов, он тем не менее был чужд такой вульгаризации. Придавая руке, подобно Гельвецию, руководящую роль в развитии человека, Радищев одновременно отмечает, что наличием рук далеко не исчерпывается превосходство человека над животными. Достаточно указать, что утрата рук не ведет к утрате человеком присущих ему способностей и возможностей. В сравнении с собакой, например, человек обладает притупленным слухом и обонянием; у орла более острое зрение, чем у человека; голосовые способности некоторых птиц не сравнимы с человеческими. Но разве существует что-либо более совершенное, чем музыка Моцарта или по-

добных ему? От человеческого глаза многое ускользает, но в то же время его зрительные способности превосходят все мыслимое.

Но и это не все. Человек обладает речью, которая «есть, кажется, средство к собиранию мыслей воедино» (стр. 52). Радищев пишет, что при потере человеком одного органа усиливается другой. Однако немой всегда отстает в своем развитии от говорящего. «Итак,— заключает Радищев,— речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всеислия» (стр. 53).

Переходя от вопроса о чувственности и сознании человека к психической его деятельности, Радищев пишет: «Чувственность есть свойство ощущать. Опыты показывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутствию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностию совокупна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание» (стр. 88). Что касается сознания человека, его умственных способностей, то они результат практики: «опыты суть основание всего естественного познания» (стр. 50).

Правда, Радищев, как и другие материалисты его времени, не понимал, что те отличия человека от животных, какие он с такой меткостью описал, являются продуктом общественного труда и в конечном счете продуктом рук. Радищев, как и другие его современники, не поднялся до понимания того положения, что человек есть не только творение природы, но также продукт среды общественной, что сознание человека есть результат длительного исторического развития. Отсюда и сбивчивость некоторых рассуждений Радищева о душе, бессмертии. Но и в этих рассуждениях в конце концов побеждает философ-материалист. О душе, например, Радищев пишет: «То, что называют обыкновенно душою, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого...» (стр. 89).

* * *

Исключительный интерес представляют мысли Радищева о влиянии географического фактора на физический тип человека и его культуру.

Расовые различия людей, по мнению Радищева,— результат влияния климатических условий. «Что могут (сделать) лучи солнечные, или их отсутствие, тому доказательством служат Негры и Ескимосы». «Человек, хотя везде человек,— пишет он дальше,— но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно...» (стр. 63).

Природа влияет, по мнению Радищева, не только на телесные (расовые) особенности человека, но и на характер и тип культуры народов. Он находит, что «первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы... обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил (приручил) миролюбивых зверей и стал скотоводитель...» (стр. 64).

Что касается уровня развития культуры, то он определяется, как утверждает Радищев, причинами историческими. По мнению Радищева, разница в уровне культурного развития народов не говорит об их принципиальных природных различиях. Индейцы, древние греки и европейцы являются представителями разных ступеней развивающегося человечества (стр. 63).

Радищев различает народный разум от разума индивидуального. «Развержение (проявление, развитие.— М. П.) народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств» (стр. 59). «Счастливыми обстоятельствами» следует также, по мнению Радищева, объяснить появление великих исторических личностей. «Чингис и Стенька Разин,—

пишет Радищев,— в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были». Точно так же Кромвель, проявивший большой талант государственного деятеля, проживи он всю жизнь в монастыре, «прислал бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепам» (стр. 128—129).

Если по своему разуму, по способностям развивать культуру, когда для этого имеются соответствующие условия, все народы равны, то это не значит, что не существует природных различий между индивидами внутри одного и того же народа. «Признавая силу воспитания,— пишет Радищев,— мы силу природы не отъемлем» (стр. 67). По этому вопросу Радищев резко расходится с Гельвецием. «Сколь Гельвеций ни остроумен, доказательства его о единосилии разумов суть слабы» (стр. 59).

* * *

Наш сжатый обзор далеко не исчерпывает всех вопросов, затронутых в трактате Радищева «О человеке». Однако и изложенного достаточно, чтобы убедиться, что даже запоздалое появление этого произведения в печати (1809) должно быть расценено как серьезное событие на научном и философском фронте начала XIX в. Особенно следует отметить, что рассуждения Радищева о народном и индивидуальном разуме, об отсутствии коррелятивной связи между расовыми особенностями людей, в частности «лицевым углом» и психикой, не только возвышают его над современными ему французскими философами-материалистами, но что эти мысли полностью укладываются в рамки современной науки.

В наши дни, когда наука о человеке и его расах превращена западноевропейскими и в особенности американскими реакционными лжеучеными в идеологическую подпорку империализма, особенно уместно вспомнить нашего замечательного ученого и философа — А. Н. Радищева.